

А.Б. Федоров, А.Л. Бредихин
Санкт-Петербургский университет МВД России

«НЭП»: ОТ ИДЕИ К ВОПЛОЩЕНИЮ (К СТОЛЕТИЮ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»)

В статье авторы рассматривают исторические и политические детерминанты «новой экономической политики». Авторы приходят к выводу, что ориентиры экономической политики в духе НЭПа были подготовлены уже в 1918 г., но начавшаяся гражданская война не позволила начать их воплощение в жизнь. Но уже в 1921 г. новая экономическая политика стала неизбежной.

НЭП, новая экономическая политика, Ленин, военный коммунизм, продразверстка.

В марте 2021 года исполнилось сто лет с того дня, когда на своем X съезде партия большевиков приняла решение о замене продовольственной разверстки натуральным продовольственным налогом. Это решение положило начало реализации «новой экономической политики», того самого «НЭПа», в спорах о котором до сих пор «ломают копыя» ученые и политические деятели разной политической ориентации. Интерес к их дискуссиям по данному поводу в обществе обостряется всякий раз, когда перед ним встают проблемы серьезных преобразований в экономической жизни. Так было, например, в период проведения хозяйственной реформы середины 1960-х годов¹, в годы «горбачевской перестройки»², во время «шокового» перевода экономики страны на рыночные рельсы.

К экономической политике советского государства в 20-х годах прошлого века экономисты и историки обращаются и сегодня, черпая в ней дополнительные аргументы для обоснования своих взглядов на путь и методы дальнейшего социально-экономического развития страны, повышения эффективности уже во многом рыночной экономики, преодоления кризисных ситуаций, стимулирования активности и инициативы производителей материальных благ и услуг.

Столетний юбилей начала новой экономической политики позволяет не только вспомнить о ней, как об одной из самых драматических страниц новейшей истории нашей страны. Он обязывает взглянуть на экономические реформы столетней давности с позиции сегодняшнего дня и по-новому ответить на вопросы об их причинах, сущности, судьбе и последствиях.

Совершив в октябре 1917 года захват власти, большевики рассчитывали сразу же перейти к реализации казавшейся им легко осуществимой идеи создания государства – коммуны, т.е. государства без

постоянной армии, без профессиональной полиции, без стоявшего над трудящимися массами чиновничье-бюрократического аппарата. Так же легко, казалось им, можно было приспособить экономику старого мира к экономике социализма. Ведь капитализм эпохи империализма, по Ленину, является ни чем иным, как предтечей социализма.

Но первые же столкновения теоретических рецептов марксизма с реальной жизнью послеоктябрьской России показали их полную несостоятельность. Страна, народ были «не готовы» к одномоментному переходу к тому социализму, вводить который посредством декретов собирались большевики [10, с. 63].

Кстати, Ленин прекрасно знал об этой «неготовности». О ней говорили не только его постоянные оппоненты – меньшевики, но и единомышленники, в то время, когда он настаивал на захвате власти. Главным аргументом Ленина была ставка на мировую революцию, сигнал к началу которой должны были дать возглавляемые большевиками рабочие, крестьяне и солдаты России [2, с. 24–25]. И вот, оставшись в условиях «запаздывания» этой самой революции один на один с мелкобуржуазной стихией и «темным» крестьянством, «авангард» пролетариата и его лидер вынуждены были начать пересмотр своей стратегии, в экономической составляющей которой довольно четко просматривались контуры будущей новой экономической политики.

Мирная передышка весны 1918 года, заключение Брестского мирного договора позволяли подготовить черновой вариант более или менее долговременной экономической программы, которая при всей своей нацеленности на социализм должна была учитывать постреволюционные российские реалии.

Приступая к разработке такой программы в марте 1918 г., Ленин писал: «...сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому состоит в том, что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим... задача управления государством сводится теперь... к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войной ран, восстановления

¹ См.: Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м: Власть, общество, человек // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. С. 338.

² См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Время трудных вопросов. История 20-х – 30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 1998. 30 сентября.

производственных сил, налаживании учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышении производительности труда, – одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации» [5, с. 130]. Решать эту задачу предстояло далеко не в благоприятных условиях. Брестский «похабный» мир нанес страшный удар по производительным силам страны. Он оторвал от нее ряд промышленных районов и самые плодородные области Украины и Донбасса. Были потеряны 26% железнодорожных путей, 48% собранного хлеба, 84% производства сахара. Страна лишилась 1/3 своего фабрично-заводского производства, 2/3 добычи угля, 2/3 добычи железной руды [3, с. 364]. Казалось, о каких долгосрочных экономических планах тогда могла идти речь? И все же выход из войны открывал возможности для перестройки экономической политики. К ним в первую очередь относились демилитаризация оставшейся у страны после Бреста экономики и резкое сокращение расходов на вооруженные силы. Демобилизация армии существенно уменьшала ее потребности в централизованном снабжении продовольствием и предметами промышленного производства. Значит, огромные затраты на войну, поглощавшие до 70% последнего, больше не должны были засасывать ресурсы страны [1, с. 52].

Однако перенацелить их на восстановление экономики и одновременную с этим ее переориентацию на социалистический лад оказалось весьма проблематично.

В условиях, когда первая волна вооруженного сопротивления революции была остановлена и, казалось, гражданская война в ее начальных формах прекращена, большевики оказались лицом к лицу с огромной мелкобуржуазной стихией.

Дорвавшаяся до помещичьего имущества «деревня» восприняла лозунг «Грабь награбленное!» в самом буквальном смысле и начала растаскивать его по своим избам, амбарам и подвалам. К тому же пробудившаяся у получивших землю зажиточных крестьян «жажда обогащения» толкала их на придерживание хлеба до лучших времен³. В этой ситуации, по мнению Ленина, акцент в политике партии необходимо было перенести на борьбу «пролетарской дисциплины и организованности» с разросшейся массой «мелких собственников», вовлекавших в свой круговорот и часть рабочего класса.

Ленин и его сторонники признавали, что для социализма необходимы определенные материальные, культурные и политические предпосылки. Последнее, по их мнению, было налицо в виде «диктатуры пролетариата». Остальных явно не хватало, но большевики были уверены, что они появятся после победы революции в Европе. Пока же следовало двигаться ей навстречу, создавая и используя те организационные формы хозяйственной жизни, которые были характерны для «стоящих в шаге от революции» передовых европейских стран. В частности, Ленин имел ввиду германский государственный капитализм. Перспективы его использования на российской почве вождь

большевиков как раз и рассматривал в марте 1918 года, работая над первым вариантом «Очередных задач Советской власти» [5, с. 132–133].

Здесь следует заметить, что Ленин весьма почтительно относился к германскому государству того времени, считая его наиболее прогрессивным и больше всего готовым к социалистическим преобразованиям. Совсем не случайно в начале 90-х годов «промелькнула» концепция, согласно которой «Ленин ставил целью провести государственную модернизацию, взяв за образец военно-государственную экономику кайзеровской Германии, но доводя ее до логического завершения»⁴.

Ленин считал, что магистральный путь России к государственному капитализму лежит через «общенациональный учет и контроль за производством и распределением», наладить которые под силу только государству с сильной центральной властью. Только такое государство может организовать учет всех имеющихся ресурсов и продиктовать кому, что, сколько производить и как распределять. Все это уже продемонстрировал государственный монополистический капитализм стран – участников Первой мировой войны. Ему как раз и были присущи жесткое авторитарное правление и ряд черт, в которые укладывался военно-потребительский коммунизм. Армия и часть населения были переведены на содержание государства, осуществлялись нормирование потребления и регулирование цен, сбыта и самого производства, действовала государственная трудовая повинность. Таким образом, государственный капитализм военного времени оказывался «сродни» «военному коммунизму».

В обусловленных военными обстоятельствами мерах и методах хозяйствования Ленин и большевики увидели зачатки коммунизма, его материальную подготовку безотносительно к реальному состоянию подорванных войной производительных сил, из-за которых эти меры и методы вводились. Восприятие их большевиками как прокоммунистических вело к тому, что в условиях мирной передышки они, подлежавшие отмене в мирных условиях функционирования экономики, превращались в элементы долговременной политики большевистской партии.

Отталкиваясь от этих мер и методов хозяйствования государственного капитализма и видя впереди свой коммунистический идеал, Ленин в том же марте 1918 года приступил к разработке черного наброска проекта программы РКП(б). В ее экономической составляющей ведущая роль отводилась государству диктатуры пролетариата. В руках государства сосредотачивались производство, транспорт, банковское дело, распределение [7, с. 74–78]. Рыночные отношения загонялись в узкие рамки регулируемого обмена и в перспективе должны были исчезнуть. Государственный капитализм в ленинской программе заменялся «государственным социализмом» – тотальным огосударствлением всех сторон общественной жизни и подконтрольностью государству всех социальных сфер. Очевидно, что заложенная в черновом наброске

³ См.: Горький А.М. Несвоевременные мысли / Свободы вечное преддверье: сборник. Л.: Худож. лит., 1990. С. 37–38.

⁴ См.: Островский В.В. В поисках нашего Отечества. Опыт политической рецензии // Санкт-Петербургские ведомости. 1991. 1 ноября.

проекта программы доктрина перекрывала дорогу к нормальной хозяйственной жизни мирного времени, к рыночной экономике.

А именно к ней, несмотря на весь постреволюционный хаос, тяготели и натерпевшийся лишений послевоенный город и получившая землю деревня. Последняя хотела сама распоряжаться плодами своего труда и иметь свободу торговли, возможность продавать свой хлеб и приобретать необходимые ей предметы потребления. Таким образом, мирная передышка весны 1918 года стала временем начала борьбы утопии с реальной жизнью. Не учитывать требования последней большевики пока не могли, поскольку их власть была еще недостаточно сильна для того, чтобы в своей экономической политике действовать наперекор здравому смыслу. Поэтому в проведении в жизнь весной 1918 года мер и методов военного коммунизма они вынуждены были допустить серьезные отступления, сквозь которые просматривались очертания новой экономической политики.

Прежде всего, следует отметить, что процесс обмена между городом и деревней, хотя и детерминированный войной, но продолжался. Обесценивание рубля и нежелание крестьян продавать хлеб по твердым ценам привели к тому, что этот обмен приобрел натуральный характер. Государству оставалось либо принять новые правила игры – уже существующей товарообмен, в том числе и на вольном рынке, либо прибегнуть к насилию по отношению к держателям хлеба [1, с. 56].

Ситуация пока еще позволяла обратиться к поиску экономических способов выхода из тупика. В условиях хлебной монополии, развала финансовой системы и разрухи в промышленности таким особым способом регулирования рыночных отношений и стал переход к товарообмену с деревней – мере, пока еще далекой и от продовольственной диктатуры, и тем более от продразверстки. Первые продотряды, отправляясь в деревню за хлебом, еще везли с собой на обмен «мануфактуру, нитки и предметы домашнего и сельскохозяйственного обихода» [6, с. 424].

В области промышленности тенденция распространения уравнилельных «военно-коммунистических» мер из сферы потребления в сферу производства вступала в противоречие с задачей повышения производительности труда. «Уравниловка» становилась препятствием для его роста. Ленину пришлось дать установку на восстановление сделанных форм оплаты труда, заимствование у «тамошней буржуазии» приемов и методов, в том числе системы Тейлора [5, с. 140].

Не удалось реализовать и идею зачисления всего населения в потребительские коммуны. Сопротивлявшейся этому кооперации пришлось оставить «рыночную отдушину» и относительную хозяйственную самостоятельность.

Всеобщего характера пока еще не приняла и вытекавшая из военно-хозяйственной практики государственного капитализма реализация идеи трудовой повинности. Весной 1918 года она ограничивалась тем, что применялась только по отношению к представителям «эксплуататорских классов». Тогда же пришлось приостановить национализацию промышленности и фактического огосударствления экономи-

ки, поскольку они только «способствовали усилению экономического хаоса и разрухи, вызванных пятью годами войны и революции, и еще более подорвали промышленное производство России» [4, с. 99].

Прекращение экспроприации и национализации привело к выводу о необходимости соглашения с капиталом («цивилизованными капиталистами»). Чтобы управлять предприятиями частного и смешанного секторов экономики, надо было идти на восстановление авторитета их администрации и сотрудничество с буржуазией. Разумеется, финансовый и политический контроль над этими секторами должен был остаться за пролетарским государством. Оно, как позднее растолковывал делегатам XI съезда РКП(б) Ленин, и «ограничивало» тот самый государственный капитализм, который был «позаимствован» у воевавшей тогда Германии [7, с. 85].

В этих условиях особую остроту приобрел вопрос о власти. Только сильная центральная власть могла покончить с чрезмерной самостоятельностью на местах, обеспечить проведение в жизнь мер и методов государственного капитализма и использовать их для восстановления экономики, наведения порядка и дисциплины. Идея государства-коммуны «приказала долго жить», а советское правительство уже с марта 1918 года стало прибегать к чрезвычайным мерам, постепенно восстанавливая авторитарные тенденции военного времени. Это вполне укладывалось в логику рассуждений Ленина, считавшего, что можно отступить к государственному капитализму, но одновременно наступать в области упрочения центральной власти. Второе рассматривалось как обязательное условие первого.

Отступление к государственному капитализму весной 1918 г. означало, что предпринятое сходу отступление на капитал провалилось. Ленин признал необходимым смешанную экономику и рынок. Значение ленинского «государственного капитализма» образца 1918 года заключалось в его сходстве с тем, что в 1921 году стало известно как «новая экономическая политика» (НЭП). Об этом сходстве, даже несмотря на то, что страна и ее экономика были разными весной 1918 и весной 1921 года, неоднократно говорили как сторонники НЭПа, так и его противники.

Почему же начавшиеся было весной 1918 года мероприятия в духе новой экономической политики были свернуты, а им на смену пришел военный коммунизм? Дело в том, что перейти к нему большевиков заставила начавшаяся в мае того же года полномасштабная гражданская война и обусловленный ее размахом голод. Отсюда возвращение политики государственного капитализма, «единый военный лагерь», продовольственная диктатура, а затем продразверстка.

Терпеть последнюю поставленную перед выбором крестьянство согласно было, пока шла война. Большевики приняли было это терпение за готовность принять коммунизм. Но уже летом 1920 года оно «лопнуло», что и заставило Ленина принять решение о переходе к новой экономической политике. В 1921 году народ «отбился» от попыток навязывания утопии и отстоял, хоть и в урезанном виде, свое право на нормальную жизнь и относительно свободный труд.

Такая, хотя и половинчатая и дорого доставшаяся крестьянству «победа» обеспечила быстрый подъем хозяйственной жизни страны, породила движение «сменовеховцев» и надежды на то, что большевики одумаются и вернуться к нормальной рыночной экономике... Увы, ждать этого пришлось много лет.

Литература

1. Бордюгов, Г. А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. – Москва : Политиздат, 1991.

2. Булдаков, В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть / В. П. Булдаков // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. – Москва : Политиздат, 1991.

3. Ксенофонтов, И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: документальный репортаж / И. Н. Ксенофонтов. – Москва : Политиздат, 1991.

4. Коэн, С. Бухарин: политическая биография. 1888–1938 : перевод с английского / С. Коэн. – Москва : Прогресс, 1988. – 570 с.

5. Ленин, В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – Т. 36.

6. Ленин, В. И. Черновой набросок проекта программы / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – Т. 36.

7. Ленин, В. И. О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. Краткий газетный отчет / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – Т. 36.

8. Ленин, В. И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта (XI съезд РКП (б)) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1975. – Т. 45.

9. Павлюченков, С. С. С чего начинался НЭП? / С. С. Павлюченков // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – Москва : Политиздат, 1991.

10. Яковлев, А. Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформа России / А. Н. Яковлев. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1994. – 461 с.

A.B. Fedorov, A.L. Bredikhin

«NEP»: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION (TO THE CENTENARY OF THE «NEW ECONOMIC POLICY»)

The article examines the historical and political determinants of the New Economic Policy. The authors come to the conclusion that the guidelines for economic policy in a spirit of the NEP were already developed in 1918, but the outbreak of the civil war did not allow starting its implementation. However, in 1921 a new economic policy became inevitable.

NEP, new economic policy, Lenin, war communism, surplus appropriation system.